

П. А. КУЛИШЪ.

Біографіческій очеркъ

Б. Гринченко.

Приложеніе къ выпуску I-му «Земскаго Сборника» Черниговской губ. за 1899 г.

ЧЕРНИГОВЪ.

Типографія Губернскаго земства.
1899.

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

В книге дана краткая творческая биография Пантелеймона Александровича Кулиша — украинского писателя, поэта, фольклориста, этнографа, переводчика, критика, редактора, историка, издателя.

- [П. А. Кулиш. Биографический очерк](#)

[П. А. КУЛИШ](#)

- [notes](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

П. А. Кулиш. Биографический очерк

П. А. КУЛИШЪ.

Биографическій очеркъ

Б. Гринченко.

Приложѣніе къ выпуску 1-му «Земскаго Сборника» Черниговской губ. за 1899 г.

ЧЕРНИГОВЪ.
Типографія Губернскаго земства.
1899.

Печатать дозволено.
Москва. 24 апреля 1899

Перевидання книги здійснено
Чернігівською обласною універсальною
науковою бібліотекою
ім. В. Г. Короленка в 2001 році
Ризограф ОУНБ ім. В. Г. Короленка
Підписано до друку 01.08.01 р.

Тираж 300 примірників

Имя, поставленное во главе этого очерка, принадлежит одному из замечательнейших уроженцев Черниговской губернии.

Мы не намерены писать биографии Кулиша. Его жизнь слишком близка еще к нам, результаты его деятельности далеко еще не определились, чтобы можно было это сделать с достаточной полнотой и определенностью. Но все же для понимания этой личности необходимо напомнить главные факты его жизни.

Он родился 27 июля 1819 г. в Воронеже, Глуховского у Черниговской губ, в семье мелкопоместного панка, предки которого были казаками. Семья жила не бедно, но жила просто, по-старосветски, отец своими руками строил и мастерил, мать была неграмотна. В семье говорили, конечно, только по-малорусски, и иного языка мальчик пока не знал.

Первые шаги его по пути образования сделаны были при поэтической обстановке — мальчик влюбился в свою двоюродную сестру Лесю, которая была старше его на четыре года. Она выучила его читать по церковно-славянски и передавала своему влюбленному ученику поэтические народные сказки, а он мечтал о том, что оденет ее всю в золото — тогда, когда вырастет и будет богачом. Он действительно сделался богачом — духа, но своего намерения не мог исполнить, пьяница-муж уложил в гроб его Лесю.

Вторым лицом, сильно поразившим детское воображение маленького Кулиша была богатая помещица, соседка Кулишей, Ульяна Мужилловская. Кулиш описал ее потом в повести “Ульяна Терентьевна”, а в своих воспоминаниях он рассказывает, что она представлялась ему тогда какою-то царицею или богинею, сияющею умом и рассыпающею вокруг себя добро. К такому представлению о ней склоняло Кулиша, между прочим, то влияние, какое Мужилловская имела на его отца. Мать Кулиша дрожала пред своим деспотическим и горячим мужем, а он следовал советам и указаниям Мужилловской как ребенок. Умный впечатлительный мальчик проникался, под её влиянием, духом идеализма, и уже с этого времени, по его словам, у него явилось пренебрежение к судьбе обыкновенного человека: он мечтал о чем-то особенном и старался стать выше всех своих товарищей.

Настояниям Мужилловской он обязан был и тем, что отец, после уездного училища, отдал его не в канцелярию суда, как предполагал, а в Новгородсеверскую гимназию.

Сперва он был очень плохим учеником, так как не понимал по-русски; но победив это препятствие, сделался первым в классе. Впрочем учиться было почти нечему, так как учителя были лишь плохие чиновники, и умнее всех учителей казался Кулишу его товарищ Сердюков, вместе с которым он читал Жуковского и Пушкина, сам же Сердюков читал в оригинале Гете и Шиллера.

Гордая натура Кулиша проявлялась уже тогда. Однажды он не мог решить алгебраической задачи. Учитель велел ему стать на колени. Мальчик сказал:

— Если поставите меня на колени, то заброшу навсегда алгебру; а если на этот раз простите, — буду хорошим учеником.

Учитель поставил его на колени, а Кулиш, прекрасно учившийся по всем предметам, совсем оставил алгебру и на экзамене заявил, что ничего из неё не знает, что, впрочем, не помешало ему, благодаря доброте директора, перейти в следующий класс.

Тогда же, в Новгородсеверске, он впервые заинтересовался произведениями малорусских авторов. До тех пор он читал Гулака-Артемовского, первые повести Квитки, потом вдвоем с Сердюковым наслаждался малорусскими рассказами Гоголя и даже сам написал со слов своей матери по-украински сказку “Цыгань”; но сознательного отношения к языку у него не было. Случайно Кулиш приобрел в бакалейной лавке сборник народных украинских дум и песен Максимовича, изданный в 1834 г., и начал читать книгу вдвоем с Сердюковым.

Сборник произвел на обоих такое впечатление, что они забыли и о Квитке с Гоголем, и о немецких классиках. Кулиш носился везде с книжкой, каждому ее читал - до тех пор, пока всем надоел так, что над ним стали смеяться и убегать от его чтения. Тогда он выучил всю книгу наизусть, чтобы никогда не расставаться с ней.

Отец не дал сыну возможности окончить гимназию. Кулиш вышел из неё, перейдя в предпоследний класс, был учителем в помещичьих семьях и готовился к поступлению в университет; выдержав экзамен в Киеве, он поступил сперва на словесный, а потом юридический факультет.

Кроме университетских лекций, большое влияние оказывал тогда на Кулиша известный историк, этнограф и филолог Максимович, бывший в то время профессором Киевского университета. Кулиш приобрел его симпатии, представив ему сборник народных песен, записанных от матери. Молодой студент приходил в гости к профессору, оба вместе работали над собранием песен и читали Вальтера Скотта, причем профессор объяснял Кулишу законы литературного творчества. Под

влиянием Максимовича начались и первые литературные работы Кулиша: в изданном Максимовичем в 1840 году сборнике “Киевлянин” напечатан был перевод двух народных малорусских легенд, сделанный Кулишом.

Недостаток средств и здесь сильно мешал Кулишу заниматься наукой: бедствуя, он принужден был бросить университет и зарабатывать в качестве учителя городских школ в Луцке и Киеве, потом снова возвращался к университетским лекциям.

Однако это не мешало ему заниматься литературой, и в 1843 году появился его исторический роман “Михайло Чернышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад”, мысль о написании которого наваяна была ему чтением Вальтера Скотта.

В то же время он занялся более основательным изучением своего народа, и мы видим, что в 1844 и 1845 годах Кулиш обошел и объехал всю киевскую губернию, собирая этнографические материалы, вошедшие потом в его “Записки о Южной Руси”. Обходя села и разговаривая с народными кобзарями и стариками, Кулиш иногда декламировал им на память величественные кобзарские думы, изучать которые он, как мы видели, начал еще гимназистом. Этим он страшно поражал своих слушателей, никогда не предполагавших, чтобы “пан” мог сохранять в своей голове произведения, считавшиеся ими исключительным достоянием села. Воодушевленные и этими воспоминаниями о прошлом, и невиданным ими доселе человеческим отношением этого “пана” к ним, “мужикам”, эти люди раскрывали пред ним свою, душу, и Кулиш не раз должен был прятаться и уходить тайком от своих сельских друзей, которые, не слыхав никогда ничего подобного, начинали распространять вокруг него слухи, что это царский сын, тайком от панов, ходит среди народа, желая узнать его нужды.

Во время своих этнографических экскурсий Кулиш познакомился с двумя, жившими в Малороссии, представителями польской интеллигенции: историком Грабовским и этнографом Свидзинским. Все трое они обменивались между собою своими знаниями, записями, книгами; сходились на интересе к местной истории и этнографии, но сильно расходились во взглядах на малорусский народ и его прошлое. Из других знакомств его в это время следует отметить знакомство с Шевченко, Костомаровым и Василием Белозерским, впоследствии редактором “Основы”.

Интересно его первое знакомство с Шевченко. В комнату Кулиша входит кто-то в парусиновой одежде и говорит:

— Здорови були! А вгадайте — хто?

— Хто ж, як не Шевченко! - ответил Кулиш, хотя даже и

портрета поэта никогда не видал.

— Вин и е! — ответил гость.

Между новыми знакомыми скоро завязались сердечные отношения, которые, однако, несколько охлаждались сильным несоответствием натур обоих писателей: Шевченко не нравилась “аристократичность” Кулиша, а последний не совсем мирился с проявлениями сильного, “козацько-бурлацького” демократизма поэта.

С Костомаровым Кулиша сближал их интерес к родной старине, изучению которой они оба ревностно предавались, с Белозерским, кроме сходства взглядов и симпатий, их связывали еще и иного рода отношения. Будучи в гостях у Белозерского в Борзенском уезде Черниговской губ, Кулиш познакомился там с его сестрой, произведшей на него сильное впечатление и сделавшейся через три года женой нашего писателя.

Таким образом мы видим, что в самом начале своей литературной деятельности Кулиш попал в круг лучших представителей местной интеллигенции, людей с знаниями, умом и талантом. Это, конечно, не могло не действовать благотворно-развивающим образом на него самого и не укреплять его в намерении работать над изучением народного быта и местной истории, которой он интересовался по преимуществу.

Он изучал кровавую эпопею народной борьбы с враждебными народу элементами по книгам и старым документам, по древним раскопанным могилам и по полным жизни и поэзии преданиям и песням родного села. На него повеяло духом старого героизма малорусской истории, и у него явилась мысль создать украинскую “Илиаду”. Ему хотелось собрать думы о всех малорусских гетманах и, объединив их в одно целое, создать нечто подобное Гомеровой эпопее. Он ходил из села в село, выпрашивая, выслушивая эти думы, но всё же ему не удалось собрать ничего цельного подобного “Илиаде”. Об одном народные массы не сложили совсем песен, о другом — уже успели забыть сложенные. Тогда молодой поэт решил взять все известные ему народные думы, расположить их в хронологическом порядке, а пробелы заполнить думами собственного создания. Первая часть этой работы под заглавием “Украина” появилась в 1843 г. Она заключала в себе двенадцать дум, воспевавших события с Владимира Святого до Хмельницкого, пять дум были народные, а семь — произведения самого Кулиша, написанные в том же духе, не без таланта и прекрасным малорусским языком. Но как раз в это время публика только что прочитала “Кобзаря” Шевченко, и огненная поэзия гениального народного поэта оставила в тени меньшую поэтическую силу. Кулиш надолго замолк как поэт-

стихотворец. Но Гомер вдохновил его еще на одно произведение, под впечатлением шестой песни “Одиссеи” Кулиш написал “Орысю” — грациозную, поэтическую идиллию.

Между тем в Киеве уже составилась кружок молодежи, к которому принадлежал и Кулиш. Вот как он сам, в одной из своих книг, характеризует этот кружок. “Среди этой молодежи явился Шевченко с своим громким плачем над несчастною судьбою народа и запел пред ними”.

Світе тихий, краю милий...

Эта песня была для них поистине звуком архангельской трубы воскресения. Если когда-либо говорили правду, что сердце ожило, что глаза заблестали, что над головой у человека загорелся пламенный язык, — то это было тогда в Киеве”. Маленький кружок смотрел на Шевченко как на пророка, а на себя — как на вдохновенных свыше на великое дело развития малорусской литературы и поднятия крепостного народа — из рабства духовного и социального. “Необходимо знать”, — говорит Кулиш, — “что эта киевская молодежь была сильно проникнута евангельскими идеалами, что это была молодежь высокой нравственной чистоты и что апостольство любви к ближнему достигало среди неё до энтузиазма”. К этому должно прибавить влияние принципов, выработанных западно-европейским умственным движением того времени. “Мы имели в виду” — говорит Кулиш, — “не одно только освобождение крепостного. Этого нам было мало или лучше сказать, это было у нас последним делом. Программою нашего освобождения крепостных служили слова Спасителя “И уразумеете истину, и истина свободит вы”. Мы знали, что в Англии не право и не декрет, а культура уничтожила крепостное право”. Кружок пока учился сам, учил других, стараясь привить сыновьям помещиков возвышенные гуманные идеи и убеждая эту молодежь, что необходимо уничтожить крепостное право и готовить дворянство к этому акту.

Между тем Кулиш напечатал первые главы своего исторического романа “Черная рада” в журнале Н. А. Плетнева, “Современник” (1845). По этому поводу возникла переписка у Кулиша с Плетневым, имевшая тот результат, что Плетнев, бывший тогда ректором университета и управлявший учебным округом, вызвал Кулиша в Петербург и дал ему сразу две должности учителя гимназии и преподавателя русского языка студентам иностранцам в университете. Плетнев очень полюбил начинающего писателя, и они виделись почти ежедневно.

Интересно, что пишет Плетнев (в письмах к Я. К. Гроту) о Кулише того времени: “Кулиш — молодой человек высоких нравственных и религиозных правил”, “высокий образец чувствований и дел”, “интересный и наружностью и чистотою души и умом” [1].

Живя в Петербурге и помогая Плетневу в работах по “Современнику”, Кулиш не забывал малорусской истории и посылал в Москву Бодянскому, для напечатания в “Чтениях Московского общества истории и древностей российских”, секретарем которого состоял Бодянский, различные рукописные малорусские летописи, между прочим знаменитую “Летопись Самовидца”, принимал участие в судьбах “Чтений”, обрабатывал для издания свои этнографические материалы и вообще проявлял самую разнообразную деятельность, не смотря на то, что не отличаясь вообще здоровьем, часто прихварывал и лично не чувствовал себя счастливым. “Где тут везет?!” — отвечает он Бодянскому на письмо. — “Я должен везти а не мне везет”. [2] Он перепознакомился уже в это время с цветом петербургской интеллигенции и обратил на себя внимание своими трудами. Незадолго до этого умер академик славист Прейс. По настоянию Плетнева академия наук послала Кулиша, хотя он и не окончил университета, за границу, чтобы, по возвращении, он занял место адъюнкта академии и кафедру славянских литератур в университете. Кулиш выехал из Петербурга в Черниговщину, где 22 января 1847 г. женился на сестре Василия Белозерского Александре Михайловне, известной теперь в литературе под псевдонимом Ганны Барвинок; свадьба происходила в той самой Оленовке, в которой он умер и похоронен. Счастливый и полный надежд выехал Кулиш, вместе с женой и её братом, за границу, но по пути остановился на некоторое время в Варшаве.

Неожиданный поворот обстоятельств разрушил все надежды Кулиша.

Во время отсутствия Кулиша из Киева киевский кружок окончательно организовался в тайное общество, называвшееся “Братством св. Кирилла и Мефодия” (25 декабря 1846). Членами этого братства были Николай Гулак, Николай Костомаров (основавший братство), [3] Александр Навроцкий, Василий Белозерский, Афанасий Маркович (Марко Вовчок), Посяда, Андрузский, Тулуб, Савич... По словам Кулиша, ни он, ни Шевченко не состояли членами этого “Братства”, так как “братчики” решили, что оба они и без того будут работать для той же идеи и в то же время останутся в стороне в случае открытия общества. Интересы этого кружка не ограничивались пределами малорусской народности. Члены его мечтали об общеславянской взаимности, соединяя с последней пожелания

прогресса в своей стране. “Взаимность славянских народов”, — писал позже об этом кружке Костомаров, — “в нашем воображении не ограничивалась уже сферой науки и поэзии, но стала представляться в образах, в которых, как нам казалось, она должна была воплотиться для будущей истории. Помимо нашей воли, стал нам представляться федеративный строй, как самое счастливое течение общественной жизни славянских наций... Во всех частях федерации предполагались одинакие основные законы и права, равенство веса, мер и монеты, отсутствие таможен и свобода торговли, всеобщее уничтожение крепостного права и рабства в каком бы то ни было виде, единая центральная власть, заведующая сношениями вне союза, войском и флотом, но полная автономия каждой части по отношению к внутренним учреждениям, внутреннему управлению, судопроизводству и народному образованию”. [4] Общество должно было быть общеславянским, почему в него принимались “славяне всех племен и всех званий”. Из ближайших целей намечены были следующие: “Так как славянские племена в настоящее время исповедуют различные вероисповедания и имеют, предубеждения друг против друга, то общество будет стараться об уничтожении всякой письменной и религиозной вражды между ними и распространять идею о возможности примирения разногласий в христианских церквях. Общество будет стараться заранее об искоренении рабства и всякого унижения низших классов, равным образом и о повсеместном распространении грамотности.”

Братство просуществовало не долго. Студент Алексей Петров, подслушав разговор “братчиков” в квартире Гулака, сделал донос, и весной 1847-го года арестовали вышеназванных членов братства, равно Шевченко и Кулиша, последнего в Варшаве. Кулиша привезли в Петербург. На все уверения его, что он не принимал участия в братстве, не обращали внимания и считали его руководителем всего дела. Наконец, Кулиш был обвинен за написание брошюры для детей “Повесть об украинском народе”, напечатанной в 1846 еще году в детском журнале Ишимовой — “Звездочка”, присужден к заключению на два месяца в крепость, а затем сослан в Тулу с запрещением служить по министерству народного просвещения и писать.

В Туле Кулиш прожил три года и три месяца, получая 300 руб. в год за редакторство “Губернских Ведомостей”. В это время он изучал иностранные языки (он изучил впоследствии, без помощи учителя, шесть иностранных языков, не считая, конечно, славянских) и написал по русски две исторические повести — “Алексей Однорог” и “Искатели счастья”. В 1850 г. он был

освобожден от подневольного жительства. Рассказ о том, как он принял известие о свободе, характеризует его крайнюю впечатлительность. Жандармский полковник пришел известить Кулиша о перемене в его судьбе. По его уходе Кулиш сейчас же пошел к жене сказать об этом. Вошел — и не в состоянии был ничего выговорить. Испуганная его видом, жена спросила:

— Що таке? Що сталося?

Он взял перо и написал: “Волю нам вернули”.

Сейчас же Кулиш поспешил выехать с женою в Петербург и начал зарабатывать журнальным трудом: переводил и делал всякие компиляции по книгам немецким, английским, французским и польским, писал оригинальные вещи. Так как писать ему было запрещено, то он печатал анонимно или под псевдонимами. Поступил было на службу в министерство государственных имуществ, но служба не шла, и пришлось ее через год оставить. Кулиш выехал из Петербурга в Полтавскую губернию. Там один приятель дал ему бесплатно в пользование 120 десятин земли. Плетнев и один родственник заняли 900 р. С этими средствами он начал хозяйничать, выстроив наново себе хутор. Что умел, делал своими руками. Сам он прекрасно знал столярное ремесло (живя в Петербурге, делал мебель, скрипки), и теперь по собственному плану и собственными руками строил себе дом. Живя на этом хуторе, он познакомился с Сергеем Аксаковым и матерью Гоголя (с Гоголем он был знаком при жизни последнего) и под их влиянием составил в двух томах книгу “Записки о жизни Н. В. Гоголя” (1856—1857), деньги на издание которой дал С. Аксаков. Здесь же он обработал к печати первый том своих “Записок о Южной Руси” и написал повесть “Феклуша”.

Через два года Кулиш был уже в Киеве, а затем снова в Петербурге. Одна за другой появляются его собственные книги и книги отредактированные им для издания “Записки о жизни Н В Гоголя” (1856—7), два тома “Записок о Южной Руси” (1856-7), “Чорна рада” — исторический роман, сперва по-русски, а потом по-украински, собрание сочинений Гоголя (шесть томов), перевод истории Маколея и пр. Остановимся на некоторых из них.

Содержание “Записок о Южной Руси” преимущественно историческое и этнографическое, но там же впервые напечатаны две прекрасные вещи украинской литературы “Орыся” Кулиша и “Наймычка” Шевенко. Научное значение “Записок о Южной Руси”, как этнографического сборника, большое, не смотря на некоторые ошибки, неизбежные в таком новом деле, каким тогда была малорусская этнография. Кулиш представлял ценные материалы, записанные от народа, с своими интересными

замечаниями. Книга производила впечатление на публику не только как ученый труд, но и как наглядное доказательство силы духовного творчества народа. Истории касается здесь Кулиш в этнографических записях и своих примечаниях к ним, а также и в отдельных статьях. Кулиш защищает малорусский народ от обвинений польских историков, но в то же время относится неблагосклонно к своим гайдакакам и высказывает резкое порицание (не всегда, впрочем, оправдываемое фактами) по адресу некоторых начальствовавших лиц бывшей гетманщины, обвиняя их в эксплуатации народа.

"Записки о Южной Руси" имели значение еще в одном отношении. В этой книге Кулиш впервые установил малорусское правописание, которое и было принято малорусскими писателями. В настоящее время в Австрии, в малорусских Галиции и Буковине, это правописание введено официально во всех учебных заведениях, начиная со школы и кончая университетом, употребляется в официальных сношениях, равно как и в официальном "Вистныку державных законов", издаваемом правительством для малорусского населения Австрии.

"Чорна рада", изображающая борьбу за гетманскую булаву между Брюховецким и Сомком, была первым историческим романом, написанным по-украински прекрасным языком, в котором автор очень искусно сумел соединить материал старого малорусского книжного языка с современною живою народною речью.

В авторе видно знатока прошедшего Малороссии, картина тогдашней общественной неурядицы в стране нарисована резкими штрихами, есть прекрасно удавшиеся фигуры (напр. Кирило Тур, Черевань), хорошо нарисованные картины, но все это несколько холодно, мало теплоты и задушевности. Во всяком случае "Чорна рада" остается и всегда будет оставаться замечательным произведением украинской литературы, образцовым во многих отношениях.

Издавая такие капитальные вещи, как вышеназванные, Кулиш обратил серьёзное внимание на просвещение народа и в 1857 году издал малорусскую «Граматку» (азбуку) - немного трудную для детей, но прекрасно составленную книгу для чтения крестьян в селах, её и до сих пор читают с жадностью. (В 1861 г он переиздал ее в сокращении). С тою же целью Кулиш напечатал второе издание малорусских проповедей Гречулевича или — лучше сказать — под именем Гречулевича, (издавшего малорусские проповеди ранее), издал свои собственные проповеди.

Тогда же попалась ему в руки рукопись "Народних

оповиданням” Афанасия Васильевича Марковича, работавшего, кажется, при участии своей жены и скрывшего свое авторство за её авторством, дав ей псевдоним “Марко Вовчок”. На Кулиша произвел большое впечатление талант нового писателя, он редактировал его рассказы и в 1857 г. издал с своим хвалебным предисловием.

В это время он мог уже печатать за своей подписью и получил заграничный паспорт. Объездив вдвоем с женою почти всю Европу, Кулиш в 1860 г. был снова в Петербурге и просил разрешения издавать малорусский журнал “Хата”, но должен был ограничиться только альманахом “Хата”, изданным в одной книге и составленным из произведений Шевченко, Гребинки, Г. Барвинок, М. Вовчка, Щоголева и др. Изданное в том же году в четырех томах, собрание его русских “Повестей” не произвело впечатления, зато пользовалась популярностью его “Сильська библиотека” — серия книжечек (всего вышло в 1860-1862 гг. 39 номеров), дешево изданных для народного чтения, составленная из произведений самого Кулиша, Шевченко, Квитки, М. Вовчка, Г. Барвинок, Мордовцева, Кузьменко, Стороженко и др. Эти книжечки, прозванные среди публики “метельками”, представляли тогда почти единственный доступный для народа материал для чтения. Не ограничиваясь этими маленькими брошюрками, Кулиш намеревался дать для народа ряд научно-популярных книжек и начал дело книжкою “Хмельныщина”. Дальше должна была следовать отдельными такими же выпусками вся история Малороссии; но исполнению этого замысла помешала новая большая работа.

В 1861 году В. Л. Белозерскому разрешено было издавать в Петербурге ежемесячный журнал “Основа” — на малорусском и русском языках. Однако для ведения такого журнала пока было слишком мало сил, т. е. людей с талантом, знанием народа и его языка. Можно было заранее сказать, что журнал почти не мог существовать с теми ограниченными силами, какие имелись налицо. Шевченко уже умирал, и, кроме Кулиша, только Марка Вовчка и можно было тогда считать за серьёзную рабочую величину. Из такого положения мог быть только один выход, а именно тот, что должен был найтись такой человек, который посвятил бы себя этому делу, взял бы три четверти работы на свои плечи и имел бы достаточно сил, чтобы не согнуться под этою тяжестью. Такой человек и нашёлся в лице Кулиша. Только он один и мог сделать это дело, и без него “Основа” вряд ли пошла бы дальше 3-4 книжек первого года. Только он один из всех малороссов того времени знал так малорусский язык, что мог писать им — и писать прекрасно — все, что хотел: и научную

историю Украины (“История Украины од найдавніших часів” — в “Основе”), и критические статьи, и романы, повести, поэмы, лирические стихотворения. Историю Малороссии он знал не хуже Костомарова, был как и этот последний, в высшей степени трудолюбив, имел живую, подвижную, энергическую натуру и пылал страстным желанием работать для народного добра, а крупный литературный талант давал ему возможность удовлетворять это желание в обширных размерах. Поэтому с первой же книги “Основы” мы видим, какую большую долю своего труда вкладывает он в дело. Он так наполняет книжки журнала своими работами, что принужден закрываться многими псевдонимами. Он печатает там ряд своих поэм и мелких стихотворений (после смерти Шевченко), рассказы, “Лысты с хутора”, рецензии, статьи по малорусской истории, составляет прилагаемый к каждой книжке словарь. Его научные статьи указывают путь новым работникам, а в поэзии он старается затрагивать такие струны, каких еще не касался Шевченко.

Многие статьи Кулиша в “Основе” посвящены критическому пересмотру прошлого Малороссии и её литературы, а также полемике с противниками взглядов журнала. Таковы его статьи — “Обзор украинской литературы” — “Климентий, Котляревский, Гулак, Гоголь”, “Характер и задача украинской критики”, “Простонародность украинской словесности”, “Полякам об украинцах”, “Ответ Дню” и др. Пылкий борец, Кулиш, нанося свои удары направо и налево в защиту ясной для его выдающегося ума истины, попадает иногда, по ошибке, в друзей (напр. его взгляд на Котляревского, который он сам потом изменил), но идея демократизма, права только что раскрепощенной тогда массы, народное просвещение и самобытное развитие творческих народных сил нашли в нем горячего и талантливого защитника, высказавшего целый ряд новых и оригинальных мыслей.

В “Основе”, как уже сказано, печатались стихотворения Кулиша. В 1862 г. он собрал их в один сборник, озаглавленный “Досвіткы”/ [5] После “Кобзаря” Шевченко это лучший сборник малорусской поэзии, который всегда будет читаться земляками поэта. Весь этот небольшой томик это — поэтическое воззвание к пробуждению от духовного сна:

Ой ударю зразу
У струны живий:
Прокиньтесь, вставайте,
Старий й малы!
Вишуканням новым

Мое сердце бьется,
Через край из сердца
Ридне слово льется.

Поэт воскрешает перед нами своим поэтическим словом мученические образы предков, боровшихся за лучшие идеалы народа и сложивших голову в этой борьбе. Печально звучит песнь поэта при воспоминании об этих могилах, но не одною печалью наполнено его благородное сердце. На угрозы польских панов карать страшными муками всех, кто восстаёт за свободу, он отвечает:

Нехай буде, нехай буде,
Колы Божа воля,
Щоб росла в боях кривавых
Українська доля!
Нехай знають на всім свити,
Як ми погыбали
И, гынучы, свою правду
Кровью запысали.
Запысали, — прочитають
Неписьменни люде,
Що до суду из шляхетством
Згоды в нас не буде.
Поки Рось зоветься Россю,
Днипро в море ллється, —
Доты сердце українське.
С панським не жыветься!

Среди длинной галереи исторических лиц поэт выбирает для изображения такие рыцарско-благородные фигуры как Немирич и рисует с него своего Голку в поэме “Вельики проводы”. Голка, это — немного Немирич, немного сам Кулиш:

Ой засию я надии
И думы високи
У козацький, у льцарський
Натури широкий.

так думает он.

Збудується церква нова,

Пид небо знесеться,
Як истины вичне слово
На весь мыр прольеться,
Як забудуть братив братя
Мужыкамы звати,
Як у всіх нас на Вкраини
Одна буде маты.

С такими мыслями и чувствами идет Голка защищать народную свободу и истину. Но слишком высоко стоял он по сравнению с своим народом, не избавившимся еще от чувств племенной вражды, и народ не может его понять. Голка умирает от рук своих же братьев, и брошенное в Днепр-Слауту его великое сердце

Ростерзане, кривавее
Бъється пид водою
И всю воду исповняе
Думою святою.

Но не все могут прозреть сердцем в эту тайну родной реки:

Прозирають у Слауту
З устя до вершыны
Не спанилы, не схлопилы
Диты Украины.

От прошедшего поэт обращается к настоящему, и печально звучат его струны:

Ой нимуе, ой сумуе
Наша вбога хата,
Що багатый одцурався
Убогого брата!
Помынаю усих мертвых,
А по живых плачу,
Що никого я живого
Серед них не бачу.

Но нет, есть и живые. Уже вырастают те, которые приближают на земле царство истины. У этих людей одно дело.

Святу правду
Сияты в народи
И этим делом —
Доказаты,
Що мы - ридни диты.
Тых вельких, що за правду
Гынулы на свити (Стр 36-37-я 2-го изд.)

“Досвиткы” — это плач над тяжелым прошедшим и настоящим и, вместе с тем, это призыв к лучшему, светлому будущему.

Ой скоро свит буде,
Прокынутися люде,
У всяке виконце
Засияе сонце.

И чтобы это солнце засияло — он работает неутомимо. Кроме “Основы”, он печатает еще в “Черниговском листке”, составляет малорусский словарь и т. п., и т.п. Его деятельность доставляет ему тогда популярность и уважение среди земляков и неземляков, он свой и в Киеве, Полтаве, Харькове, Чернигове, и в Петербурге и Москве. Его имя повторялось среди малорусской молодежи, а его портреты отпечатлевались не только на бумаге, но и в сердце не одной “панночки”, начинавшей любить родное слово, и поэт имел право сказать о себе.

На далекий України.
Не одна, не дви дивчыны
Ради мене привитаты,
До серденька прыгортаты.
В речах душу выливаты,
Братом, татом называты (Досвиткы, 46).

Юмористы слагали шуточные рассказы о почитании, которым пользовался тогда Кулиш среди своих поклонников и поклонниц.

Но между этими цветами было много и терний, и часто весьма чувствительных и очень вредивших делу. Этим, между прочим, объясняется то обстоятельство, что “Основа”, выйдя в 22 книжках, должна была приостановиться, не закончив второго года. Пока еще трудно разобраться в той путанице недоразумений, которая произошла тогда среди кружка “Основы”

в Петербурге. Кое-какие пояснения по этому вопросу дает г. Мордовцев в своей книжке "За крашанку — пысанка" [6], но все же еще больше остаётся неразъясненным. Не указывая подробности, которые заняли бы слишком много места, скажем только о том впечатлении, какое получается хотя бы от чтения напечатанных у г. Мордовцева писем Кулиша и Костомарова. Было, кажется, то, что часто бывает в подобных случаях. Искренний, сильный и талантливый человек всецело отдает себя деятельности для известной идеи. Вокруг — люди меньшие и по таланту, и по преданности идее. Сильный человек и видит дальше их, и работает больше и лучше их и вследствие этого хочет пользоваться большими правами, т. е. большею самостоятельностью в своей работе. Но толпа как раз этого и не хочет позволить. Окружающие с удовольствием предоставляют ему право работать, но желают, чтобы работа производилась по их указке, пусть он, пожалуй, пользуется и некоторой известностью, но не слишком большой ведь тогда будут думать, что только он все и делает и что он умнее всех. А он и в действительности умнее всех и не хочет отказываться ни от своего ума, ни от тех прерогатив, которые последнему принадлежат. Здесь и конфликт. С одной стороны начинаются крики о "чрезмерном самолюбии" и "диктаторских наклонностях", а с другой — жалобы на толпу, не понимающую избранных умов, и пр. Видя это непонимание, сильный человек еще более убеждается в своей справедливости и совершенно перестает обращать внимание на мнения других. Для него исчезает критика, в нем одном уже совмещается и творец, и критик собственного творчества. Поэтому, делая ошибку и слыша со всех сторон, что это ошибка, он все же не верит никому, и думает, что его ошибка — открытие сильного ума, еще не понятое обыкновенными людьми. А обыкновенные люди, видя ошибки, в свою очередь начинают полагать, что у сильного человека и нет ничего, кроме ошибок, и оставляют его.

Конечно, для этого необходимо, чтобы этот сильный человек слишком превышал средний уровень окружающих его людей и в то же время был очень самолюбив. Оба эти условия были налицо и в данном случае, а потому нечто подобное происходило и у Кулиша, с его петербургскими земляками. Отношения то улучшались, то снова портились. По поводу этих отношений г. Мордовцев говорит в упомянутой выше книжке. "Для того я й друкую ци лысты його, щоб выдно було, як його свои ж грызлы, та все спотыньга, та й догрызлы до того, що вин плюнув им у вичы своєю "Воссоединенною Русью", а потим и "Крашанкою"... [7] С этого уже времени начался разрыв у Кулиша с обществом,

приведший к печальным последствиям. И не без причины Кулиш говорит в “Досвитках”.

Нема в мене роду.
Немає дружины,
А ни брата-товарыша
На всій України.
Дума сумовыта —
То моя родына;
Сердце одыноке —
Вирная дружина,
Степы, горы и долины —
Товарыство-побратымы...

Издание “Основы” прекратилось, дела типографии Кулиша, благодаря управляющему, тоже пришли в упадок. Кулиш жил в Петербурге в нужде, затем уехал на хутор под Борзну, хозяйничал и жил в такой крайности, что пища его и его жены не отличалась ничем от плохой пищи крестьянина. Единственным его заработком были несколько статей в журналах (История борьбы казаков с поляками во время Павлюка и Острияницы и др.). Благодаря личному знакомству с министром Милютиным, Кулиш в 1864 или 1865 г. поступил на службу на значительную должность в западном крае [8], но вскоре (1869) должен был ее оставить вследствие своих сношений с галицкими малоросами.

Как только прекратилась “Основа”, Кулиш сейчас же начинает работать в галицких журналах: “Вечерницы”, “Мета”, “Правда”. Там он печатает свои новые стихотворения, повести (“Мартын Гак”, “Потомки украинського гайдамацтва”) и различного содержания статьи (“Первый период козацтва од його початку до ворогування з ляхами”, “Нарыс истории словесности русько-української”, “Погляд на устню словесности українську”, “Мальована гайдамащина”, “Выкохування дітей” и др.) В 1869 году появляется в Австрии его перевод пятикнижия Моисеева (“Пять книг Мусиевых”), а затем (под псевдонимом П. Ратая) он издает стихотворный перевод “Псалтыри” и таковой же — превосходный — “Книги Иова”; затем прозою — четвероевангелие. (Позже, вместе с профессором Пулюем, Кулиш издал перевод всего “Нового Завета”). Оставив службу, Кулиш бывал то в Галиции, то в Вене. Вся его деятельность направилась на Галицию. Эта часть малорусской земли, подавленная более культурным польским элементом, нуждалась в энергической литературной силе, могшей помочь её возрождению, и Кулиш, всегда готовый работать, бросился туда, где в этой работе сильно

нуждались. Деятельность Кулиша в Галиции послужила там к подъему духа малорусской народности в борьбе с денационализирующим польским элементом, придала новых сил галицким народолюбцам.

Все это было до 1873 г. В 1873 г. Кулиш был уже в Петербурге и работал там над своей “Историей воссоединения Руси”, два тома которой появились в 1874 г., а третий — в 1877 (конца не было); в 1877 г. напечатал Кулиш в №№ 3 и 6 “Русского Архива” и свои статьи о казачестве.

По поводу этих новых работ Кулиша г. Пыпин, в своей “Истории славянских литератур” (I, 375) говорит следующее: “Под влиянием чувства произошел последний изумительный поворот в мнениях Кулиша, выразившийся в “Истории воссоединения” и статьях о казачестве в “Русском Архиве” 1877 г., где прежние идолы были свергнуты с пьедесталов, и автор вообще явился злейшим противником стремлений, в которых прошла однако вся его прежняя жизнь”. Большинство публики придерживается того же взгляда на последнюю литературную деятельность Кулиша. Между тем взгляд этот нельзя назвать вполне точным.

Еще в конце пятидесятих годов, в эпилоге к русскому тексту “Черной рады”, Кулиш говорил: “Я желал выставить (в романе) во всей выразительности олицетворенной истории причины политического ничтожества Малороссии и каждому колеблющемуся уму доказать... нравственную необходимость слияния в одно государство южно-русского племени с северным” [9]. Таким образом с самого начала своей долгой литературной деятельности Кулиш является с одной стороны защитником самобытного развития малорусской народности, а с другой — сторонником государственного единения южного русского племени с северным. Эти два принципа проходят красной нитью во всей его литературной деятельности до самого последнего её дня, и читатель увидит ниже, что этим своим “стремлениям” Кулиш не изменял никогда.

Защищая индивидуальное “я” малорусского народа, Кулиш относился отрицательно к историческим деятелям Малороссии, выражая свое сочувствие только очень немногим из них. Вот его отзыв (в 1861 году) о гетманщине: “Мы не жалеем о ней, как об уничтожении корпораций генеральных старшин, которые, вместе с избранным от царя гетманом, делили между собой войсковое имущество, не заботясь о благе народа. Нам нечего жалеть о падении гетманщины! Это было дерево, подгнившее в корне и не приносившее никаких плодов. Еслиб не повалило его петербургское правительство, оно само рухнуло бы и сгнило,

оставленное без внимания народом” [10]. Во втором томе “Записок о Южной Руси”, в предисловии к известной записке Теплова, он высказывается об этом еще резче, говоря о “естественной необходимости изменения испорченных административных форм”, — т. е. гетманщины. (З. о Ю. Р., П, 171-174). Исходя из таких взглядов, Кулиш считал политику Петра I и Екатерины II хоть и жестокою иногда (см. дальше в тех же “Липовых пущах” о насилиях, делавшихся после уничтожения гетманщины), но государственно-мудрою. Такие же точно взгляды о необходимости единения великоросов и малоросов в одном государственном теле и о неизбежности и необходимости уничтожения старых малорусских порядков высказывает впоследствии (1882) Кулиш в своих гимнах “Единому цареву” и “Единий царыци” — Петру I и Екатерине II, прославляя их за то, что они уничтожили в Малороссии корпорацию эксплуататоров народа и раздавили “розбоямы й руиною несytu гадюку за порогами”, — т. е. Сечь [11]. Таким образом касательно политического положения Малороссии во взглядах Кулиша нет принципиальной разницы между тем, что он писал в 1857 и 1861 гг. и в 1873, 1882 и 1896 годах.

Более изменились взгляды Кулиша на казачество, но все же не настолько, чтобы в его первоначальных мнениях нельзя было различить зародышей позднейших. Сперва он смотрел на казаков взглядом, близким ко взгляду Шевченко. Это доказывают его “Досвитки”, гд он, прославляя первых предводителей казацких (деятелей Кумеек и Солоницы, Морозенко и др), говорит:

Нехай знають на всим свити,
Як мы погыбалы
И, гынучы, свою правду
Кровью запысалы! [12].

Однако уже и тогда он хотя и понимал чувства “дыкого хлопства”, бушевавшего в южных степях в XVII веке, но вполне мог отдавать свои симпатии только иным людям. Его идеалом был Голка (“Вельки проводы” в “Досвитках”), проповедник божественной истины и враг всякого разбойничьего насилия, восстававший против разрушительных стремлений темной народной массы. Масса не поняла этого человека и потому убила его, так как понять его могли только

Не спанили, не схлопили
Диты Украины, —

т. е. истинные сыны своей родины, равно чуждые и порабощительским претензиям панства, и грубым наклонностям некультурной массы и служащие только истинно человеческим идеалам.

И “паны” и “мужики” Кулишу одинаково несимпатичны. Сечь запорожская и гайдамаки мало симпатичны ему еще в 1857 году; чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть некоторые страницы его “Записок о Южной Руси” или те места “Черной рады”, где он говорит о запорожцах или описывает буйства сторонников Брюховецкого. Но в равной степени восстает Кулиш и против панских притеснений народа; об этом мы уже упоминали, говоря о “Досвитках”, подобные же мысли находятся в изобилии в его полемических статьях в “Основе”. Он желал бы встречать в истории только таких людей, как Юрий Немирич, с которого он рисовал своего Голку. ^[13] Такие фигуры привлекали его своею культурностью. Эта культурность нравилась ему и в польско-малорусском панстве XVII века, хотя он и не симпатизировал ему. Разыскивая в прошедшем таких насадителей культуры как Немирич, он нашел их немного, но зато встретил много дикости, некультурного буйства. Это последнее чем далее, тем все более и более отталкивало его от себя, а признаки культурности все более и более привлекали. Уже в “Основе” 1861 года (IX, 79-107) он восстает против стремления видеть в истории Малороссии только историю казачества. “Козацтво було тильки буйним цвитом, а иноди й колючим бодяком серед нашого дыкого степу. Росло в нас дечого багато й оприч козаччыны”. Чем далее, тем Кулиш все более придавал значение этому “дечому оприч козаччыны” и наконец совсем перестал видеть в казачестве какие-либо признаки культурной творческой силы. “Уничтожив могущественное королевство — Польшу, не воздвиг русский народный дух на великих пожарищах и кладбищах прославленной свободы, а лишь дал возможность новым хищникам, вместо хищников старых, утвердить здесь свое темное господство”. ^[14] От этого взгляда до взгляда на казаков, а тем более на гайдамаков, как на силу исключительно разрушительную и враждебную культуре слишком недалеко, и потому, сказав вышеприведенное в 1868 г., Кулиш в “Истории воссоединения Руси”, через шесть лет, изображает казаков уже исключительно разбойниками.

Но если казаки разрушители и враги культурным начинаниям, то, последовательно рассуждая, необходимо было снять большую часть (если не все) обвинений с цивилизаторов, каковыми в данном случае являлись польско-малорусские паны. Они были тогда культур-трегерами и, борясь с казаками,

защищали дело культуры. Таким образом, после “Истории воссоединения Руси”, появляется “Крашанка” с похвалами польско-малорусскому дворянству и громами против историков, защищающих казаков.

Сказанного, надеемся, достаточно для того, чтобы убедиться, что взгляды Кулиша на малорусскую историю изменялись к концу его жизни далеко не по всем вопросам, происходившие же изменения совершались постепенно, и в самых первоначальных его взглядах уже ясно видны зародыши взглядов последних лет его деятельности. Эти зародыши, развиваясь все более, и привели к тому, что начав с книги малорусских героев “Украина”, создавая которую автор мечтал сделаться казацким Гомером, Кулиш дошел до проклятий казакам и раздражительной полемики с их защитниками в последнем своем стихотворном сборнике “Дзвин”.

Первый том “Истории воссоединения Руси” является несомненным приобретением для малорусской историографии. Автор указывает в нем на ту сторону дела, на которую до тех пор историки мало обращали внимание, а именно — на значение городского, мещанского населения в прошлой культурной жизни Малороссии. При изложении истории XVII века историки говорят обыкновенно о казаках, духовенстве, дворянстве, о массах “посполитых” и весьма мало уделяют внимания мещанам. Кулиш рядом несомненных фактов доказал все значение последних в борьбе малоросов за свое народное “я”. В этом главная заслуга книги. Кроме того, она вообще прекрасно написана и читается с большим интересом. Но за этим первым томом появился второй, третий, новые статьи... Здесь автор силился доказывать, что все исторические деятели Малороссии казацко-гетманского периода, вместе с наиболее прославившимся Богданом Хмельницким, были просто разбойники и враги культуры, малорусская история этого времени это — история “украинских разбоев”.

Конечно, Кулиш в этом случае ошибался. Он, в своем увлечении, упускал из виду, что в истории каждого народа бывают моменты и целые эпохи, когда только путем кровавых переворотов достигается лучшее будущее, и потому деятели этих переворотов являются деятелями прогресса, что во всем казацком движении присутствовали, кроме элементов разрушительных, и элементы созидательные, что неуспех движения обуславливался не столько малой нравственной состоятельностью деятелей, сколько исключительно невыгодным положением края, который был лакомым куском и потому яблоком раздора для трех государств, что, не смотря на всю неудовлетворительность уничтоженных форм самоуправления, введенные новые формы

были гораздо ниже старых по своей пригодности для населения и для того дела культуры, которое является так дорогим для автора. Все это было вполне ясно для каждого, знакомого с предметом, и Н. И. Костомаров мог с полным основанием сказать Кулишу следующее: “Мы далеки от того, чтобы скорбеть об уничтожении Запорожской Сечи и готовы признать это уничтожение делом мудрой государственной политики. Но одно дело — цель, а иное — способы к достижению этой цели. Вспомним участь Калнышевского и Глобы! Ужас овладевает воображением, когда представишь себе несчастного кошевого, глубокого старика, ничего иного не показавшего русскому престолу, кроме верности и послушания: теперь, в воздаяние за долгую преданность его бросили в сырую и мрачную темницу соловецкого монастыря и томили там в одиночном заключении более тридцати лет. А что сделали с Запорожским краем после уничтожения Сечи? Выгнали наплывшее туда уже издавна вольное население и отдали превращенные в пустыню поля и уголья в добычу вельможам, любимцам счастья и временщикам! Это-ли прославляемая Кулишом культура? Уничтожение гетманщины в Малороссии хотя и могло оправдываться течением исторических судеб всего русского мира, но совершено с такими последствиями, которые не послужили к пользе, благосостоянию и духовному развитию народа. Чтобы сплотить теснее малорусский край с другими областями русского государства и истребить в нём могущие ожить уже примершие заветные исторические побуждения, сочли лучшим и простейшим средством разрознить сословия: казацким старшинам даровать, наравне с русскими служащими в офицерских чинах, дворянское достоинство и право владеть крестьянами, а простой народ, так называемое в Малороссии посполство, отдать в порабощение новоиспеченному дворянству. Что-ж, и это культура!” [15].

Но хотя такие взгляды Кулиша были несомненною ошибкою, — все же их нельзя назвать, как это делали, изменою своему прошлому, а лишь переменою исторических взглядов. Появление “Крашанки” ухудшило дело.

Живя в 1882 году в Галиции, во Львове, Кулиш возымел мысль помирить между собою галицких поляков и украинцев. Намерение было прекрасное, так как международная вражда обеих народностей обеим же приносила вред, а особенно малоросам. Кулиш вошел по этому поводу в личные сношения с некоторыми польскими деятелями, между прочим с Крашевским, и издал памфлет “Крашанка” с целью доказать, что полякам в Галиции не следует притеснять малоросов, а последним необходимо забыть прежние обиды, так как не только поляки

делали зло малоросам, но и наоборот. Но призывая к этой прекрасной цели, автор сделал несколько ошибок. Первая заключалась в том, что он принимал во внимание только свидетельства польских исторических источников, отвергая малорусские, как пристрастные, и забывая, что и польские не могли быть иными, так как принадлежали тоже заинтересованной стороне. Станным также являлось допущение, что широкие народные движения, как например восстание всего народа, могут возникнуть вследствие выдумок духовенства и кобзарей; массы идут по собственной воле на смерть только при том условии, если их положение является для них тяжелее и страшнее риска смерти и самой смерти. Наконец забывалось, что малорусское восстание являлось протестом не только поработаемого народа, но и поработаемой национальности. Благодаря этим ошибкам, картина прежних отношений малоросов и поляков вышла в значительной степени ложною, и книжка не только не помогла примирению, но еще более усилила взаимное раздражение, дав повод перебирать старые исторические счеты.

До сих пор мы рассматривали перемены только в исторических взглядах Кулиша. Эти перемены вызвали наибольшее к себе внимание и наиболее ожесточенную полемику, хотя и не так резко изменились, как казалось с первого взгляда. Гораздо более резкий поворот произошел во взглядах Кулиша на народную массу и на роль интеллигенции в культурном развитии этой массы.

Уже из сказанного отчасти видно — в каком направлении произошел этот поворот. Остановимся теперь подробнее на этом вопросе.

Взгляды Кулиша в первую половину его деятельности на народ и интеллигенцию выразились во многих его статьях, печатавшихся в “Основе”, а главным образом в его “Лыстах с хутора” (1861). Кулиш относится в них в высшей степени скептически к существующей цивилизации: он называет ее “мизерною” и говорит: “цивилизация, говорят, ведет человека к счастливому существованию. А что, если нет?” Такое отрицательное отношение к имеющейся налицо цивилизации объясняется тем, что она создала совершенно ненормальное положение на родине автора. Население края резко разбилось на две группы: горожан и жителей села. Издавна грамотные горожане отrekliсь от сельского неграмотного люда и его языка и следуют за небольшою группою людей, стоящею одиноко среди масс темного народа. Эти люди создали себе свой язык, свою культуру, понятные только им самим, и бросили на произвол судьбы лишенные всякого просвещения миллионы. Они,

правда, иногда обращаются к этим миллионам, но лишь для того, чтобы рекомендовать им блага городской цивилизации. А между тем эта цивилизация представляет лишь образчики крайнего развращения и эксплуатации слабого сильным; там — “людьски слезы квартами миряють” (Осн. 1861, I, 313), там существует только презрение к труженику-земледельцу и наслаждение роскошью: “гордятся своими архитектурными сооружениями, живописью, театром, музыкою и поэзией, а того не поймут, что все это блестящее искусство служит наиболее человеческой гордыне и роскоши и что уж не народ управляет художниками, а блестящая кучка легкомысленных людей, знающих только восторги ничтожной неги и не понимающих восторгов великого труда, кровавого пота для человеческого блага” (Осн. 1861, II, 230); там и то, что должно служить свету, — школа, литература, — в сущности служит тьме, отрывая сельского человека от его семьи и народа и приобщая его к этой гнилой цивилизации. Наоборот, среди сельских масс сохранилось здоровье тела, чувства и ума, сохранилась истинная нравственность и гуманность. Сообразно этому и созданная сельским народом устная литература является продуктом боле здоровым, чем литература городов. “Народная поэзия никогда не оправдывает беззакония; никогда не льстит низким страстям сильного, никогда не ругается над несчастьями и страданиями. Народная муза полна разума и милосердия”. (Осн. 1861, I, 164-165). Кулиш рекомендует жителям села остаться пока при этой словесности и при немногих произведениях молодой малорусской литературы, как напр. Шевченко и Квитки; но как книгу книг, как основу жизни — он рекомендует лишь одну книгу — Евангелие. Евангельские принципы должны быть строго проведены в жизнь, и когда это будет сделано, тогда исчезнет и социальное, и экономическое неравенство. Об этом нужно заботиться, а не о приобщении себя к городской цивилизации. “Пусть бы и не процветали великие искусства; пусть бы не было ни Парфенона, ни церкви Петра; пусть бы все население земного шара не вышло из сельского состояния (нехай бы вся земля селом стояла), — что за беда? Лишь бы людям не тяжело было на свете жить!” (Осн. 1861, II, 230). Часть Америки ушла вперед по пути цивилизации, но это только потому, что она прежде совершила то, что нам еще нужно совершить. “Когда придет то время, что из хат, а не из палат начнут появляться великие судьи искусства, науки, да и самой правды человеческой”, — тогда и у нашего народа будет своя цивилизация. А пока ему лучше, не идя на погибель, оставаться в своей грубой коре, но сохранять свежесть и чистоту ума и чувства и свое «я». Это, однако, не означает

отречения от просвещения, но только то, что просвещение должно быть истинным: пусть знают Шекспира и иностранные языки, но пусть будут людьми, а не “паненятами”: ограничивают свои потребности, ходят в простой одежде и трудятся над добыванием хлеба.

Таковы были взгляды Кулиша по данному вопросу в первый период его деятельности, — они действительно изменились до противоположности во втором периоде её.

Прежний защитник восставшего за свою свободу народа является теперь горячим сторонником тех, кого сперва называл порабитителями — польско-украинских панов, возмущавшийся прежде словами старинного стихотворца Климентия, называвшего непокорных мужиков бунтовщиками (Осн. 1861, I, 163), теперь сам ничего не видит в прошлых движениях малорусских народных масс, кроме своеволия и бунта. “Народная муза, полная разума и милосердия”, уступила место разгульной и дикой музе пьяных кобзарей, поджигающих, во время бражничанья в шинках, толпы лентяев и своевольников против благодетельствующего им культурного шляхетства. Такими были эти толпы прежде, такими и до сих пор остаются. Народ — азиатски некультурная дикая масса, лишённая, вследствие своей дикости, чувства справедливости и гуманности. Как прежде истинные поборники культуры — польско-украинские паны — имели право силою сдерживать варварские порывы этой массы, так и теперь истинным представителям интеллигенции принадлежит право насильственно культивировать эту массу. Таково впечатление, производимое многочисленными историческими статьями второго периода деятельности Кулиша, а также его стихотворными сборниками “Хуторна поэзия” и “Дзвин” и драмою “Байда”. Мы передаем только основной тон последних его работ, уклоняясь от цитирования произведений, при чтении которых (как напр. многих стихотворений из сборника “Дзвин”) тяжело становится на душе — столько в них презрения к народным массам, возвеличивания насилия и страстно-недоброго отношения ко всем несогласно думающим с автором... Правда, Кулиш признает (см. его полемику с г. Павликом) существование экономической необеспеченности народных масс, но полагает, что улучшение их благосостояния произойдет путем гуманных филантропических уступок со стороны состоятельного командующего класса [16].

Чем же объяснить такую резкую перемену взглядов?

Прежде чем ответить на этот вопрос необходимо коснуться отношений Кулиша к самобытному развитию малорусской народности. В этом случае он никогда не изменял своих взглядов.

Признавая исторически необходимым соединение южного и северного русских племен в одно государство, он с самого начала своей литературной деятельности держался того взгляда, что малорусская народность должна органически развиваться и найти себе выражение в литературе и искусстве. И его цель была — послужить сколько возможно этому развитию. Придерживается ли он казакофильских мнений, или взглядов “Истории воссоединения Руси” — он одинаково трудится на пользу развития малорусской литературы и её языка. В самый разгар его антиказацкой и антигайдамацкой полемики он деятельно работает на украинском языке, издает стихотворные сборники (“Хуторна поэзия”, “Дзвин”), отдельные поэмы (“Магомет и Хадыза”), драмы (“Байда”), издает по-малорусски полный перевод Нового Завета и работает над малорусским переводом Библии ветхого завета, переводит по-украински Шекспира, Шиллера, Байрона, Гейне, — и вся эта неутомимая работа (результаты которой обнародованы только отчасти) продолжается непрерывно. Никто больше него не написал по-малорусски, и смерть застала его с пером в руках за малорусской работой. Даже появление такой его книги, как “Крашанка” вызвано стремлением его помирить поляков с австрийскими малоросами с целью улучшения положения последних. Таким образом не может быть и речи о том, что Кулиш “вообще явился злейшим противником стремлений, в которых прошла однако, вся его прежняя жизнь”. Кулиш изменил во многом свои взгляды, но основного стремления всей своей жизни он никогда не изменял, так как этим стремлением было — служить делу развития родного слова, что он всегда и делал и всю свою долгую жизнь он был бойцом за это.

Да, вот в чем дело: он был по своей натуре прежде всего бойцом, обладавшим в то же время выдающимся литературным талантом. Притом бойцом страстным, увлекающимся и глубоко убежденным в правоте защищаемого им дела, даже когда ошибался. Эта струна звучала в его существе всегда сильнее всех остальных и всем остальным давала тон. В этом главным образом заключается разгадка той неустойчивости его мнений по многим вопросам, о которой мы говорили выше.

Кулишу с самого начала его деятельности необходимо было конечно опереться на данные, указывающие на присутствие в прошлой и настоящей жизни народа таких начал, которые не только давали ему право на самобытное развитие, но и указывали на наличность сил, необходимых для осуществления этого развития. Такими данными явились для Кулиша прежде всего — сильно развитая психика народа и та степень умственного и

эстетического развития его, которая дала ему возможность создать многочисленные образцы литературы и искусства, часто блестящие всеми признаками высшей степени красоты; затем — минувшая историческая жизнь страны, представлявшая примеры массовых движений народа в защиту свободы и своих прав, обнаруживала у этого народа идеал демократического общественного строя с выборным началом и пр. Под влиянием ярких картин, созданных историческими думами кобзарей, а отчасти и подкрашенной историей, вроде истории псевдо-Конисского, воображение молодого Кулиша рисует ему образы героев малорусского прошлого, борцов за свободу — таких же искренних, страстных и благородных, как и он сам, хотя и действовавших иными средствами. Так создается “Украина” — книга малорусских героев. И чем больше автор любит этих героев, тем сильнее в нем желание познакомиться с ними поближе. Он отдается изучению истории родного края, вчитывается в летописи и старинные документы, тогда почти нетронутые еще печатью. Пожелтевшие запыленные листки старых рукописей открыли Кулишу много нового; но ближайшее знакомство с героями не послужило им на пользу в его глазах: он не только не нашел в них рыцарей без страха и упрека, но наоборот — увидел нравственную и политическую несостоятельность многих выдающихся исторических деятелей Малороссии и отвернулся от них. Если бы он и хотел, то уже не мог бы писать далее свою украинскую Илиаду. Теперь он пишет беспощадные обвинения против правящего класса Малороссии и говорит о гетманщине как о подгнившем дереве. Но разве эта “гетманщина” со всею её “старшиною” — это уже все? Конечно, нет! Эти люди, подражавшие изгнанным польским панам, являлись лишь притеснителями народной массы, боровшейся за человеческие права, стремившейся к свету и добру. Эту героическую борьбу и воспевают теперь поэт в стихотворном сборнике “Досвитки” и других произведениях шестидесятых годов, отражающих новые его взгляды. В этих работах он с особенным сочувствием изображает то, что не подверглось ни заразе “панства”, ни влиянию “мужичества”, — он ищет только истинно-человеческого. Ему уже несколько претит кровавый разгул народных страстей, но он еще видит в нем историческое возмездие за причиненное народу насилие. Наклонность к историческим изысканиям не дает ему возможности успокоиться на добытых уже результатах, и раз пробужденная мысль исследователя все глубже и глубже вникает в историю родной страны. Его художническую и несколько аристократическую натуру (хотя и воспитавшуюся в демократическом направлении)

чем дальше, тем все более и более коробит при чтении страниц казацкой истории: столько здесь еще грубости и варварства! Нет, не здесь искать героев для поэта! Страна, обещавшая рай культуры населявшему ее народу, под действием разрушительных сил народного восстания превращается в пустыню, исчезают в ней все зачатки культуры. На месте разрушенного эти народные массы, с эгоистическим командующим классом во главе, не в состоянии создать ничего нового; образ прекрасной страны, павшей в борьбе за свою самостоятельность вследствие давления со стороны грубой силы, оказывается лишь плодом фантазии, ни на чем не основанным. Наоборот: они, эти казаки, сами убили ее:

Умерла ты, матусю Україно,
Серед козащыны, серед негоды,
В крови й руїни цвіт найкращий згинув
Твоей благодатної прыроди. ^[17]

Бесполезно напоминать теперь ему, что он упустил из виду многое, а многому придал слишком большое значение, и потому его выводы неверны; бесполезно указывать на то, что он забыл основное правило историка: судить о личностях с точки зрения их эпохи и приложил к деятелям XVII века нравственную и умственную мерку второй половины XIX столетия! Ведь весь смысл его жизни — в его работе, а как много в этой работе он основал на выводах истории, на прекрасной мечте! Он сознает себя жестоко обманутым в самых дорогих своих чувствах, почти лично оскорбленным от сознания, что опозитизированные им личности и факты оказались не такими в действительности. Так прочь же это все! Чем более он любил его прежде, тем более теперь ненавидит; чем более украшал ореолом возвышенности и красоты, тем более теперь унизит его, сорвав с него незаслуженный венок. Обманутая любовь переходит в ненависть. Он ненавидит эту дикую бунтующую массу; он приглядывается к ней такой, какая она есть теперь, — уже успокоившейся, — и замечает в ней те же черты дикости, даже, может быть, — усилившиеся вследствие неблагоприятных условий жизни последнего столетия. Как в прежнее время необходима была деспотическая рука, чтобы создать порядок и зачатки культуры в стране, так и теперь лишь сильная рука культур-трегера может цивилизовать эту массу. Поэтому идеи казакофильства и народничества совершенно должны быть устранены из круга идей подобного ему деятеля. Вся его деятельность должна быть построена на иных принципах, и чем скорее он, Кулиш, убедит

других в необходимости этой перемены, тем лучше. Отсюда этот укор, брошенный в лицо своему народу:

Народе без пуття, без чести и повагы,
Без правды у завитах предкив дыких,
Ты, що постав з безумной одвагы
Гиркых пъяныць та розбишак велькых!..

Это крик страшной боли человека, безумно любящего свой народ и не находящего в нем того, что так страстно хотелось бы видеть в нем: культурности и гуманности. Это ошибка, но ошибка человека, призывающего свой народ к лучшему будущему, говорящего ему:

На ж зеркало всесвитне, вызырайся,
Збагны, який ты азият мызерный,
Своим розбоем лютым не пышайся,
Забудь навикы путь хыжацтва скверный
И до семьи культурныкив вертайся!

К этому возвращению в семью культурных народов постоянно призывает он в последние годы своей деятельности часто истинно пророческим возвышенным словом. Но откликнулись ли теперь на его призыв так, как откликались когда то, в шестидесятые годы.

Нет.

Людей, у которых симпатии к казачеству являлись неустрашимой частью их взглядов, отталкивала от Кулиша его казакофобия; более молодое поколение, у которого социальные вопросы и демократизм были на первом плане, не могло помириться с его аристократическими воззрениями.

Кроме того, людей обоих направлений не могло не возмутить отношение Кулиша к Шевченко. Во втором томе своей “Истории воссоединения Руси” Кулиш позволил себе отнести к этому последнему недостойным образом, назвать его музу полупьяною и т. п. Уничтожить обаяние имени Шевченко необходимо было Кулишу потому, что поэт является могучим апологетом казачества и пользуется громадной популярностью среди публики. Выступив против казакофильских тенденций, Кулиш неизбежно должен был выступить и против Шевченко, и от того, насколько он успеет отклонить симпатии публики от исторических произведений последнего, зависел успех новейших взглядов Кулиша. Шевченко есть по его мнению [18]

неустрашимый предмет малорусской историографии, и вот почему он против него выступил. Но выступил он не со спокойным разбором его произведений, а с нападками на его личность и на “распущенную” “полупьяную” его музу. Если подобного рода нападки, да еще неосновательные, вообще не могут быть оправдываемы, то тем более они должны были оскорбить чувства многочисленных почитателей благородной музыки и глубоко симпатичной личности поэта. Правда, позже Кулиш пробовал заглаживать свой грех, называя Шевченко “мучеником человеколюбия” (в посвящении “Крашанки”) и говоря, что “все истинно-человеческое в Украине идет под знаменем Шевченко”, но затем опять возвращался к прежнему и тем более возбуждал против себя негодование лиц, думавших иначе.

Вследствие всех этих причин в конце семидесятых и в восьмидесятых годах против Кулиша сильно было возбуждено большинство публики. Прежнее почитание сменилось чуть не ненавистью. Мало было таких спокойных и резонных указаний на ошибки Кулиша, как статьи Костомарова, цитата из которой приведена нами выше. Личная неприязнь к Кулишу порождала страстность и иногда несправедливость обвинений. В одном из своих писем Кулиш говорит, что он никогда не был орудием в руках силы, но всегда самостоятельную силою. Этим обуславливалась продуктивность его деятельности но в то же время и непримиримость отношений к нему тех, которые были настолько самолюбивы, что не желали быть орудием, и настолько лишены убежденности, энергии, силы ума и таланта, что не в состоянии были сделаться силою. Люди, за всю свою жизнь не сделавшие и десятой доли того, что было сделано Кулишом лишь в течении последних лет его жизни, а часто и совсем ничего не сделавшие, обвиняли в измене того человека, который имел самоотвержение задохнуться под тяжестью работы в то время, когда многие и многие из бросавших в него камнем занимались лишь прекрасными разговорами, который имел мужество работать среди насмешек, клевет, зависти и равнодушия к дорогому для него делу. Забывалось давно сказанное, что не ошибается только тот, кто ничего не делает, а Кулиш всегда много делал, его ошибки и увлечения были всегда искренни и, делая их, он постоянно имел хорошую цель — выяснение истины. Все это не могло не вызывать раздражения в гордой, самолюбивой и отчасти нетерпимой натуре Кулиша и не усиливать резкость и страстность ответов и нападений на противников с его стороны.

Он перестал обращать внимание на чьи-либо замечания, стал верить в свою непогрешимость и твердо был убежден в том, что

только он один знает истину и может ее теперь понять, лишь будущие поколения увидят её ясно в его сочинениях и оценят по достоинству. Поэтому он пишет не для современников, а для потомства.

Оставим эту печальную страницу его биографии и взглянем на то хорошее, что дал он нам в последние годы своей деятельности.

В двух сборниках стихотворений последних годов (“Хуторна поезия” и “Дзвин”) [19] находится вещи (как напр. “Народе без пуття”, “Про зелени садкы”, стихотворения на темы о любви и природе), которые представляют поэтические перлы, как напр. и это стихотворение, посвященное им, по всей вероятности, жене:

Чолом доземный мойй же такы знаний.

I.

Я знав тебе маленькою, ризвою,
И буде вже тому с пивсотни лит.
Ми бачылы багацько дыв с тобою,
Мы бачили и взнали добре свит.
Боролысь мы не раз, не два с судьбою,
И в боротьби осыпався наш цвит.
Вид свиту мы прегордого видбылысь,
Да в старощах ще краще полюбились.

II.

Скажы, колы б вернувсь изнов той день,
Як бачылысь уперве мы с тобою,
Чы знов бы ты спивала тых писень,
Що по свитах летять було за мною
Чы знов бы ты, зачувшы дзень-дзелень,
На морози лягала головою
И слухала музыку тых копыт,
Що до твоих неслы мене ворить?

III.

О, знаю, що колы б есы и з раю,
Кинця й винця усих земных розлук,
Почула, що дориженьку верстаю
До тебе кризь дымы пекельных мук
И серденьком на сылах знемогаю,
И падае знеможенный мий дух, —
Позичила б ты крыл у серафыма,
И рынулась к мени свит за очыма.

IV.

И в морок зла зи свиту чыстоты
Метнулась бы одним одна душею...

Перемогла б нечисту сылу ты
Пречыстою потугою своею, —
И, в пари, мы в чудовни высоты
Знялысь бы знов понад жыття грязею,
И писля всих тривога и завирух,
Були б — одын блаженно тыхый дух.

К сожалению, большинство стихотворений этих сборников посвящены полемике с противниками исторических взглядов автора.

Перечитывая эти пьесы, убеждаешься еще раз, что Кулиш был наилучшим знатоком малорусского языка, наилучшим малорусским стилистом, и жалеешь, что стихотворения эти являются в такой прекрасной и сильной форме: так очевидно достоинство формы не соответствует здесь достоинству содержания...

Изданная Кулишом отдельно поэма “Магомет и Хадыза” рисует историю любви этой первой жены пророка к своему мужу. Образ Магомета очерчен с большим к нему сочувствием. К сожалению, в поэме много риторики.

Возвратившись от 1883 г. в Россию, Кулиш прожил последние 13 лет своей жизни в тиши своего небольшого хутора под Борзною. Отделившись от мира, с которым он не ладил, мало встречая сочувствия, живя часто в очень неблагоприятных условиях, он все же продолжал работать, не теряя бодрости духа и энергии. Он занимался хозяйством, причем нередко сам исполнял обязанности и слуги, и хозяина, ходя за плугом или присматривая за домашним скотом, а все свободное время посвящает литературной работе. Трехтомная “История отпадения Малороссии от Польши” и несколько его статей в русских журналах по истории же, прошли незамеченными: он в них повторялся. Больше внимания обратила на себя его драма в стихах “Байда, князь Вышневецкий.” (Спб. 1885). Из этого полу-авантюриста, полу-героя, восплаваемого в песнях народом, Кулиш сделал борца за истину, говорящего —

Шануйте цыру правду, а не виру!

и ищущего этой правды и дома, и на службе у московского царя, и в земле турецкой, ищущего, нигде не находящего и погибающего от рук тех, кому желал добра. Повторение истории с Голкою (в поэме “Вельки проводы”) в новой вариации. Превосходный энергический язык и несколько поэтических мест

не позволяют, однако, забыть несимпатичной тенденции автора и не разъясняют вопроса — какой же именно “правды” искал Байда и почему он ее искал так, а не иначе... В рукописи остались еще две драмы Кулиша, тоже исторические: “Царь Наливай” и “Петро Сагайдачный”. Окончил ли он начатую им драму “Хміль Хмельницький” мы не знаем.

Нам остается сказать еще только о переводах Кулиша. Во Львове он издал том переводов Шекспира, остальные переводы по-малорусски британского драматурга (всего Кулиш перевел 13 пьес) лежат еще в рукописи; частью напечатаны, а частью лежат в рукописях его переводы из Байрона, Гете, Шиллера, Гейне, а также стихотворные переводы из Библии. В последние годы своей жизни Кулиш приготовил полный малорусский перевод Библии, но он сгорел во время бывшего у него пожара, уничтожившего очень ценную библиотеку и рукописи и заставившего Кулишей жить несколько лет в амбаре, приспособленном кое-как к обитанию. В 1894 г., под влиянием просьб земляков, Кулиш решил предпринять громадный труд: перевести всю Библию снова. Он хотел чтобы перевод был вполне научный, сделанный с критически проверенного текста. Семидесятипятилетний старик обложил себя английскими и немецкими библиологами и взялся за работу. Он работал с утра до вечера; начав весь перевод сызнова... Приходилось работать в такой холодной комнате, что он должен был писать в перчатках... Плохое здоровье, ослабевавшее после недавно перенесенной им инфлуэнцы, не останавливало его. В течении двух с небольшим лет он из 50 книг, составляющих ветхий завет Библии, перевел 29 или 30. Воспаление легких и быстро наступившая 2 февраля 1897 г. смерть, не дали ему закончить работы. Но он работал почти до самой смерти и уже лежа в последний день в беспомощности, быстро водил пальцем по воздуху: он писал, заканчивал перевод Библии...

Он умер на своем посту культурного работника.

1897. Б. Гринченко

Примечания

Киевская Старина, 1896, XII, 87—88

Киевская Старина, 1897, IX, 394—408.

Костомаров, в своей статье в «Киевской Стар.» говорит, что были только разговоры о братстве, но самого общества не было. Во всяком случае программа его существовала.

См. «Энциклопедический Словарь» Брокгауза а Ефрона, полутом 31, Костомаров. Сведения о Киевском кружке, Кирилло-Мефодьевском братстве, равно и обо всех последующих событиях см. еще в «Киевской Старине (1883, II, 228-229), «Очерках истории украинской литературы XIX ст.» проф. Н. И. Петрова (главы о Костомарове), Кулише, Шевченко в Навроцком и разборе этой книги проф. Дашкевичем («Отчет о 29-м присуждении наград графа Уварова». Академии наук. Спб. 1888), «Истории славянских литератур» Пынина и Спасовича, автобиографий Костомарова (Литературное Наследие, Спб. 1890), книге А. Конисского «Жизнь украинского поэта Т. Г. Шевченко» (Одесса, 1898) «Русском архиве», 1892, №7, стр. 334-359 (доклад графа Орлова о следствии). «Истории русской этнографии» А. Н. Пыпина, т. III (главы о Кулише и Костомарове) и др.

Досвиткы. Думы и поэмы П. Кулиша. Снб. 1862. (Второе изд. Киев, 1876).

С-Петербург, 1882

За крашанку - пысанка П. Ол. Кулишеви напысав Д.
Слипченко-Мордовецъ. Спб 1882. Стр 22.

История с этой службой Кулиша до сих пор почти совсем не разъяснена, почему и мы ограничиваемся только упоминанием о факте.

Русская беседа 1858 г. I, 145.

Основа, 1861, V, 22—23. (Липовые пущи).

Хуторна поезия, 89—94.

Досвиткы, 2-е изд., 21.

См. примечания к поэме «Вельки проводы» в «Основе» 1862, II, 79

Первый период козацтва од його початку до ворогування з
ляхами. Правда, 1868, №№ 117, 414

Киевская Старина, 1883, II. П. А. Кулиш и его последняя литературная деятельность — Н. Костомарова, стр. 231 — 232.

Здесь, впрочем, он более остался верен самому себе, так как он никогда сильно не интересовался политико-экономической наукой и разрешение экономических вопросов и прежде ставил в зависимость не от законов экономики, а от распространения моральных истин.

Цитирую по рукописи автора.

История воссоединения Руси, II, 24.

Собранные в этой статье сведения о сочинениях Кулиша «Крашанка», «Хуторна поезия», «Магомет и Хадыза», «Дзвин» и некоторых других, раньше упоминавшихся, взяты нами из обзоров литературной деятельности Кулиша последних годов и разборов этих произведений, а именно из следующих статей и книг: За крашанку - пысанка П. О. Кулишеви. Написав Д. Слипченко-Мордовець, Спб. 1882; — Очерки истории украинской литературы XIX ст. проф. Н. И. Петрова (Киев, 1884) и разбор этой книги проф. Н. П. Дашкевича (Отчёт о двадцать девятом присуждении наград графа Уварова. Приложение к LIX-му тому Записок Императорской Академии наук. № 1. Спб. 1888.); — История русской этнографии А. Н. Пыпина, т. III. Этнография малорусская. Спб. 1891; — П. А. Кулиш и его последняя литературная деятельность, статья Н. И. Костомарова в «Киевской Старине» 1883, № 2, 221-284; — рецензии г. Н. П. на «Хуторну поезию» и «Крашанку» там же, 1882, № 6, 509-519; — рецензии на «Дзвин» г. Науменко там же, 1896, IV, 28, и др.